

ЗАПОВЕДНИК НОСТАЛЬГИИ

Здесь всё по-прежнему. Это и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что это место не должно исчезнуть. Люди обязаны помнить, что было до того, как пробил час «икс» и вся их жизнь кардинальным образом изменилась. Но это одновременно и плохо, потому что кладбище остаётся кладбищем – посреди этого заповедника былого никогда более не раздастся детский смех, не проедет, урча мотором, машина, не зазвучит на дальней лавочке гитара и никто не будет звать рано утром свою кошку.

Кошки, кстати, тут есть. Неизвестно, реальные ли потомки тех самых животных, что жили в этом дворе в те времена, или пришлые. Непонятно, как они добывают себе пропитание. Но кошки есть, на вид вполне бодрые. В отличие от собак, которые, в своё время, сбившись в стаи, ушли куда-то прочь из опустевших городов. Впрочем, конечно же, о них позаботились.

Пятиэтажки, памятные с ранних лет... Пустые. Брошенные. Одинокие.

Я прохожу через двор, очень похожий на тот, в котором прошло моё детство. Песочница с покосившимся грибком. Перекладина для выбивания ковров. Лавочки под разросшимися кустами сирени. В вышине на фоне серого осеннего неба кружит голубиная стая. Как и тогда. Была, кстати, какая-то старая песня про крыши и голубей... Весьма уместная сейчас. Увы, не вспомнить...

Я ступаю по разбитому асфальту, который так редко латали во дворах, вечно не находя денег в бюджете. Сейчас в прорехах выросла трава, подчёркивая, что на это место опустился полог забвения. Машина на спущенных колёсах провожает меня взглядом мутных глаз-фар. Я притормаживаю, пытаюсь определить марку по эмблеме на ржавой решётке радиатора. Трёхлучевая звезда в круге. «Мерседес». Наверняка, предмет гордости своего владельца в том, прежнем, мире. Исчезнувшем мире. Увы, я не успел получить права и вкусить романтику асфальтовых дорог. Мне довелось управлять другими машинами, менее... антикварными. Но всё равно я понимаю тех, для кого тачка с двигателем внутреннего сгорания – это кайф и ностальгия в чистом виде.

Прощальный взгляд на ветровое стекло, залепленное палыми листьями, и я иду дальше.

Подъезд встречает меня тусклым светильником на первом этаже. Надо же! Кто-то умудрился раздобыть лампочку накаливания и не пожалел времени приладить её в затянутый паутиной патрон. Почтовые ящики частично разворочены, но я всё равно притормаживаю около них. Анахронизм... Артефакт иного существования. Однако в памяти удивительно легко всплывает запах свежей типографской краски и то чувство радости, когда в круглых отверстиях железной коробочки обнаруживался ежемесячный цветной детский журнал. А ещё я хорошо помню, как приходили письма от бабушки...

Больше никто на свете не пишет бумажных писем...

По сути, нет разницы, какое здание выбрать, в какую квартиру зайти. Реальный дом и реальный двор, где прошло моё детство, посетить уже не получится: нет их больше, стёрты с лица земли. Вместо них теперь – пруд с лилиями. Но это место очень похоже... А к одной квартирке я даже привязался...

Третий этаж. Номер сорок четыре. Металлические цифры прикручены ржавыми шурупами к дерматиновой обивке, исцарапанной внизу кошкой или собакой. Входная дверь, естественно, не заперта.

Я захожу.

Планировка самой обычной «двушки» до боли знакома. Детство я провёл именно в такой. Маленькая кухня с линолеумом «под паркет». Совмещённый санузел, облепленный квадратиками розового кафеля. Смежные комнаты. В большой – на стенах блёклые бежевые обои с коричневатыми узорами, на полу – красно-зелёный ковёр. Окна скрывают выцветшие шторы и жёлтого оттенка тюль. В маленькой комнате на стенах обои с мультяшными героями и люстра с божьими коровками. Стало быть, детская...

Мебель на месте. Диван, сервант, телевизор, холодильник... И все другие вещи тоже.

Можно предположить, что обитатели квартиры собирались впопыхах и забрали с собой только самое важное. Похоже даже, что хозяйка просто однажды вышла за порог и больше сюда не вернулась. На это намекают одежда в шкафу, бижутерия и косметика, разбросанные на трюмо, фотографии в рамках на стенах, посуда на кухонном столе...

Но на самом деле всё не так. Думается, над квартирой поработали, превратив её в музей. Над всеми квартирами во всех домах. Или это у меня уже паранойя?

Я смотрю на фотографии на стенах. Если отбросить иногда приходящие безумные мысли о том, что весь заповедник – это одна сплошная иллюзия, тут жила семья. Мама, папа и девочка Аня. Имя я узнал на обороте одной из фотографий, вставленных в рамку. Имя, а также то, что Анна – моя ровесница. Веснушчатая девчонка с озорными хвостиками, в нарядном платье на снимке с интересом смотрит в объектив фотографа. Живущая ещё своей старой жизнью и не представляющая, какие перемены ждут её семью в самом ближайшем будущем.

Кто знает, мы могли даже встречаться в детстве, ведь жили мы в одном городе, от которого теперь, впрочем, мало что осталось. Я не раз задавался вопросом: где сейчас эта девчонка, выросшая и превратившаяся в настоящую женщину? Знает ли она, что её квартира уцелела? Вспоминает ли о той, прежней жизни, канувшей в никуда? Живы ли её родители? Стала ли она сама мамой?

Возможно, Анна живёт где-то и не собирается ворошить прошлое, не желает, чтобы воспоминания мешали новому стилю существования. Таких людей много. Очень много. Не могу сказать, что я их понимаю, но не осуждаю – это точно. Кто я такой, чтобы кого-то судить? У каждого свой путь. Все по-разному вливались в новоиспечённое общество. Кто-то сразу обрубил все концы, кому-то, как мне, оказалось невозможно прожить без регулярной пилюли ностальгии.

А может, Анна каждый день мечтает вернуться сюда, повидать застывшее прошлое хоть одним глазочком, да всё не получается. Или наведывается, просто мы никогда не пересекались. Не сводила нас судьба в одной точке пространства-времени.

Неожиданная идея посещает мой взбудораженный ретрообстановкой мозг. Я направляюсь в детскую и нахожу в ящике стола среди пыльных бумаг, линеек и прочего хлама огрызок простого карандаша.

«Аня, где ты? Я скучаю», – пишу я печатными буквами на обоях рядом с портретом. Чтобы было заметнее, я жму на карандаш, и на последнем слове грифель ломается. Но кое-как я всё-таки вывожу подпись: «Твой дом».

Шуршание на подоконнике. Голубь. Делаю шаг в его сторону, и он улетает, отвыкший от присутствия рядом с ним людей. Я подхожу к окну и смотрю через грязное стекло на пустынный осенний двор, обрамлённый с двух сторон такими же старыми домами, как и тот, в котором я нахожусь. С третьей стороны жмутся друг к другу несколько ржавых металлических гаражей. Сквозь прорехи в жёлтом одеянии разросшихся за эти годы деревьев

видна детская площадка и трансформаторная будка. Пейзаж дополняет пара непрезентабельных автомобилей вроде того «мерседеса».

Этот вид... В нём нет ничего такого. Я видел сотни мест интереснее и прекраснее по всему свету, но почему-то именно здесь я чувствую связь и со своими соотечественниками, и со своей землёй, и со своей эпохой. Странно это, наверное...

Я возвращаюсь в первую комнату, оглядываюсь на свои следы на пыльном полу. На самом деле пыли значительно меньше, чем можно ожидать. На ковре её и вовсе не видно. В любом случае от аллергии, как и от некоторых других болячек, я давно избавился, поэтому, не задумываясь, опускаюсь на пол, ложусь на спину и закрываю глаза.

Ещё один ритуал...

Голоса и звуки.

Я до сих пор не знаю, откуда они берутся, по какой причине возникают. Призраки ли это самого дома, или специальный прибор спрятан где-то здесь среди старой мебели, а может всё дело в моём перевозбуждённом воображении. Не знаю... Но уже через несколько минут расслабленного ожидания я начинаю слышать, как где-то звучит телевизор, транслируя хоккейный матч, как жильцы сверху о чём-то спорят, а в квартире слева, за стеной плачет ребёнок. У кого-то из соседей пикает радиоприёмник, передавая сигналы точного времени. Неразличимое бормотанье в итоге заканчивается основательно забытой уже фразой: «В Петропавловске-Камчатском – полночь», прозвучавшей в воцарившейся неожиданно тишине. Потом снова возвращается какой-то шум: гудят трубы, где-то весьма безобразно звучит пианино, кто-то включает дрель, у кого-то разбивается чашка или тарелка. Звуки и голоса сливаются в одну странную симфонию, симфонию родного живого дома.

Какое-то время я живу в ней, представляя себя маленьким мальчиком, оставленным дома родителями. Потом иллюзия рассеивается. Я вздыхаю, открываю глаза, и звуки плавно стихают.

Всё. Мне пора.

Сколько бы я ни приходил сюда, ничего не изменится. Ни в целом мире, ни в моём существовании. Наш путь увёл нас, людей, к другой философии, к другому мировосприятию, к иному пониманию жизни. Это произошло быстро, некоторые не справились со свалившимися на голову переменами, поэтому нити, связывающие нас с прошлым, необходимы.

Поэтому таким заповедникам ностальгии – быть!

Я вновь иду по двору, вдыхая тишину и аромат влажной осени. Навстречу попадаетесь такой же страждущий по дозе воспоминаний, как я. Тёмные брюки и серый плащ. Натянутая по самые брови старомодная шляпа. Почему-то для визита сюда все наряжаются похоже – в строгое и неприметное. Впрочем, именно так и принято ходить на кладбище.

Я киваю ему в знак приветствия. Он отвечает таким же сдержанным жестом. Мы – паломники – редко разговариваем и ещё реже собираемся в компании. У каждого свой маршрут, свои предпочтения, свои мотивы. У каждого своя тоска и боль, в конце концов.

Уже на выходе замечаю ещё посетителей. Пожилая пара сидит у крайнего дома на скамейке. Похоже, дама плачет, спутник утешает её. Меня они не видят. Да, пожилым труднее всего. Многие держались за свои дома и квартиры до последнего, проявляя

невиданной силы упрямство, нелогичное, но очень человеческое. Однако их демарши оказались тщетны. Разогнанную до безумной скорости машину прогресса было не остановить.

У ворот я бросаю прощальный взгляд назад, на памятник прошедшей эпохи, на заповедник ностальгии, на кусочек настоящей Родины.

Живи! Держись! И передавай привет Анне.

Серая дорожка из современного полимерного материала ведёт меня через зелёный луг, усеянный жёлтым бисером модифицированных вечноцветущих одуванчиков. Трудно поверить, что когда-то на этом месте шумел рынок и дымка смога поднималась над шестиполосной автострадой. Нелегко осознать, что там, где стоит сейчас на парковке мой элегантный антиграв, располагался коптящий небо завод по производству стройматериалов. Невероятно, но на месте моего последнего проживания теперь радуют глаз безупречные овальные формы тропического аквапарка, а придорожный комплекс с бензоколонкой и авторемонтными мастерскими, мимо которых я каждый день мотался на работу, сменился сорокаэтажным небоскрёбом с представительством орктаркцев.

Орктаркцы. Это всё они!

Они прибыли издалека, из глубин космоса. Немногочисленная высокоразвитая гуманоидная цивилизация, утратившая в результате планетарной катастрофы свой мир. Они были добры и мудры. Они принесли нам счастье. Они не прилетели покорить нас, как любили показывать когда-то в старых фильмах. Нам не пришлось делить пространство и ресурсы. Свои поселения они устроили в глубинах океана, там, куда человек не добрался бы ещё сотни лет, если бы вообще добрался. Там они развернули свои плантации, там стали добывать нужные им полезные ископаемые. А взамен пришельцы дали нам сполна испить из райской чаши старших братьев по разуму.

Энергетические установки. Мощные и безопасные. Лечение всех болезней. Дешёвая, практически бесплатная, пища с подводных ферм. Корректировка погоды. Принципиально новые средства связи и транспорт.

Военные программы были свёрнуты. Опасные производства – закрыты. Нефть стала не нужна. На месте дымящих заводов возникли парки и сады. Пришельцы помогли нам очистить планету от мусора, восстановить исчезнувшие виды флоры и фауны. Вернее даже... Они всё сделали за нас. И трудолюбия им было не занимать.

Причём на всё это не понадобилось тысячелетий. Всего одно поколение... И новый мир, новая жизнь предстала перед нами. Жить стало возможно хоть на Северном полюсе, хоть в пустыне. Экологически чистый дом, скромный, но красивый и со всеми удобствами, с климатической установкой и автоматически пополняемым холодильником, мог позволить себе любой приносящий пользу обществу индивидуум. Проблемы с транспортом? Никаких! Быстрый и безопасный антиграв стоял у каждого крыльца, а при склонности к аэрофобии можно было воспользоваться реактивным подземным экспрессом.

Старые города стали не нужны. Люди осваивали новые пространства, путешествовали. Утратив необходимость все силы отдавать на банальное обеспечение основ жизнедеятельности, они занимались тем, что нравится. Мир преобразился. Планета преобразилась. Не всё было гладко. Местами люди не доверяли пришельцам, не хотели ничего менять в своей жизни, особенно в сытой Европе. Сильно противились стоящие «у руля», опасаясь потерять власть и богатство. Но перемены было уже не остановить. Пришельцы

на деле доказали свои добрые намерения, и люди им в итоге поверили. Человечество получило то, на что не могло и надеяться, – достаток, полную свободу, возможность творческой реализации. Воевать и даже соперничать стало бессмысленно. Армия была окончательно распущена. Миллионные арсеналы оружия, хоть и неохотно, но уничтожены. Мир во всём мире перестал быть только лозунгом.

В общем, благодаря пришельцам настал золотой век человечества...

Я забираюсь в мягкое и удобное кресло своего антиграва и включаю автопилот.

«Укажите конечную точку маршрута», – просит бортовой компьютер.

«Домой», – говорю я.

«Требуется уточнение. Пометкой «дом» обозначены три объекта».

Ах, ну да, не всё так просто. У меня есть бунгало на берегу озера Лох-Тэй в Шотландии, есть изба на перевале Салаирского кряжа на Алтае и плавучий коттедж, пришвартованный в Сиднейской бухте. Неожиданно я принимаю решение...

«Нет, давай так. Изменение в базе. Номер один – Деревня. Номер два – Перевал. Номер три – Баржа. А в номер ноль забей эти координаты и подпиши: «Дом».

Шестипалый меднокожий гуманоид с глубокими тёмными глазами сидел перед сферической проекцией пустого городского квартала. Только что по дорожке между домами там прошагал человек. Дошёл до ворот, оглянулся, немного постоял вполоборота и вышел. Орктарец покрутил шар манипулятора, меняя ракурс картинки, увидел ещё одного паломника, стоящего на балконе с маленькой фляжкой в руке.

Аборигены всё-таки были странными. Получить так много... Избавление от войн, насилия, голода, эпидемий... Реставрацию экосистемы... Высокоэффективную энергетику, прорывные технологии... Они могли бы начать историю своей планеты с чистого листа и оставить все ошибки в прошлом, но они так цепляются за свою память... Перевозят в новые дома предметы из старых жилищ, забивают личное информационное пространство фото и видеоматериалами без какой-либо исторической ценности, посещают места захоронений предков, ну... и в заповедники ходят. Не все, конечно, но многие.

Орктарец прикрыл глаза боковыми веками и задумался. Сентиментальность, ностальгия... Эти понятия были несвойственны его народу. Более того, считалось, что цивилизация, привязанная к своему прошлому, ограниченная, подобно земной, историческими обычаями и традициями, не способна выйти за пределы своей звёздной системы. Будь раса орктарцев сентиментальна, сидеть им сейчас на планете-прародительнице подле усыпальниц и саркофагов предков в ожидании окончательного угасания Орктаркса.

Конечно, у землян было множество других причин невыхода в космос: варварская система распределения материальных благ, неэффективные схемы управления, отсутствие единого центра воли, но с этим орктаркцы успешно работали, а вот изменить саму природу человека им было не дано.

А меняться людям придётся. Иначе...

Да, вот именно. Иначе.

По последним сведениям, золотой век человечества не будет долог, увя. Как только дальние разведчики вышлют свежие данные о приближающемся к Солнечной системе метеорном приливе, как только эти данные будут обработаны и доступны общественности,

как только люди поймут, что пришельцы не собираются спасти всех и вся, а желают пересидеть катаклизм на дне океана, сказка кончится.

Ну, а пока...

Не догадываясь ни о чём, по заповеднику ностальгии бродили люди и кружились на ветру жёлтые листья.

2011